

УДК 165.0

ОБРАЗ МИРА И ОБРАЗ «Я»: МЕХАНИЗМ ИНКЛЮЗИИ

А.А. Шестаков

Самарский государственный технический университет, г. Самара, 443100, Россия

Аннотация

Структуры живого созерцания – чувственный перцептивный опыт, естественный язык и знания, квалифицируемые как здравый смысл, – выступают основанием «высоких» уровней интеллектуальной активности человека. Сложность тематизации названных структур состоит в том, что в познавательном процессе они, как правило, не представлены в чистом виде, а воплощаются в синтетических формах научной рефлексии. Цель исследования – раскрыть значение перцептивного опыта в познавательной деятельности. Автор демонстрирует слабость так называемой стимульной парадигмы в интерпретации сенситивного познания. Последовательно дезавуируя представленную в рефлексивной философии концепцию пустого пространства субъектно-объектных отношений, автор подвергает тематизации совокупность процедур, сопровождающих когнитивный процесс: интерпретацию, понимание, осмысление. Особое внимание уделяется концепту «образ мира», выполняющему функцию по инкорпорированию тех или иных личностных представлений в строй общезначимых ценностей. Перцептивный опыт получает интерпретацию в качестве механизма, посредством которого мир человека присутствует в его деятельности как практической, так и теоретической.

Ключевые слова: познание, предпосылки познания, чувственный перцептивный опыт, образ мира, образ «Я», деятельностная парадигма, чувственная ткань, двигательный опыт

Анализ обширного массива литературы по психологии когнитивных процессов свидетельствует о широкой укоренённости так называемой *стимульной* парадигмы в осмыслении соответствующего материала. Основным теоретическим постулатом последней является следующая установка: познавательный процесс начинается с воздействия (стимула) на органы чувств человека, которое завершается построением психического образа. Главный недостаток этой концепции психической активности человека – квалификация чувственных впечатлений в виде сырья для всего «знаниевого» комплекса. На базе чувственных данных посредством возгонки в ретортах абстрагирования строится фундамент рафинированного, более «высокого» знания. Важно подчеркнуть, что сам характер получения начального уровня знания представлялся абсолютно непосредственным и одномоментным. Однако такая упрощённая картина не отвечает данным современных исследований. Последние предлагают нам совершенно противоположную картину: нечто существенное – иными словами, «очищенное» – не может быть просто извлечено из материала чувственности за счёт её бесконечно

сложной иерархизации. Оно привносится в чувственную копию вещи исходя из общего контекста деятельности и предваряет познавательную активность с помощью особой механики генерирования познавательных гипотез. Стимульный же подход далёк от идеи *активности познания*; субъект познавательной деятельности представлен здесь лишь в виде реактивного существа, раба внешних ситуаций.

Продвигаясь дальше в обсуждении поставленной проблемы, зададимся вопросом общего плана: какая методологическая стратегия может вскрыть подлинную активность на всех иерархических ступенях познавательной лестницы? Нам представляется, что адекватное современному состоянию эмпирической базы в психологии решение названной проблемы может дать *функциональный подход*, или, как его ещё называют, «деятельностная парадигма» (см. подробнее [1, с. 94–231; 2, с. 40]). С точки зрения операциональной это означает смещение акцентов с *генетического анализа*, чьи теоретические интенции выявляют прежде всего связь образа реальности с внешней предметной деятельностью, на *функциональный*, показывающий зависимость когнитивного процесса от регулирующего его образа. В самом деле, ведя разговор о первичности материи и вторичности сознания, мы намеренно исходим из глобального генетического противостояния. Совсем другое дело, когда речь заходит о функциональном подходе, о роли тех или иных когнитивных образований и структур в инициации конкретных интеллектуальных действий. Можно предположить, что субъективная цель в данном случае с необходимостью предшествует этой деятельности. Более того, многие трудности в изучении познания будут сняты, если отказаться от рассмотрения процесса построения когнитивного образа, начинающегося стимуляцией чувственных анализаторов. В качестве исходного звена необходимо представить всю совокупность познавательных гипотез, которые генерируются субъектом относительно внешнего мира. Видимо, именно это обстоятельство дало основание Дж. Дж. Гибсону определить процесс восприятия как поток «аналогичный потоку сознания» [3, с. 339]. Значит, если подойти к анализу познания с функциональных позиций, то любой когнитивный акт инициируется отнюдь не стимульным воздействием, а *выдвижением познавательной гипотезы* относительно характера внешних объектов. Целая гамма познавательных гипотез, что возникает на всех структурных уровнях отражения, служит наглядным свидетельством активно-предметного характера деятельности по производству знания (см. подробнее [4, с. 34, 172–174]).

Совокупность указанного рода гипотез в итоге обозначает человеку контуры его образа мира, что, в свою очередь, образует исходную точку в процессе отображения любого воспринимаемого предмета или явления. Такая конструктивная роль образа мира служит доказательством познавательной активности субъекта, именно она превращает высшие формы психического отражения в подлинно *предметную* деятельность. Следовательно, центр аналитических усилий в изучении активности, которая имеется на перцептивном уровне, должен быть перенесён на последовательную тематизацию предваряющего любые когнитивные интенции *образа мира*, на анализ влияния последнего на характер и результаты когнитивного процесса.

Целостный процесс восприятия не может быть адекватно осмыслен лишь на основе пассивной обработки сенсорной информации: он опирается на много-

параметровые процедуры, сопровождающие познавательный процесс, такие как интерпретация, понимание, осмысление. Формирование образа восприятия, как замечает В.А. Лекторский, предполагает непрерывное присутствие в сознании в качестве его элемента амодальной, объективной схемы мира, которая может существовать в ткани *любой модальности* или в виде некоторых мнемических *схем*. Воспринимаемый мир – это форма существования схемы мира той или иной модальности (см. [5, с. 121–127]). Подчеркнём, что постулированная ещё И. Кантом резкая грань между якобы пассивным восприятием и активными процессами осмысления чувственных данных в сферах сознания (рассудка и разума) преодолена в современных психологических теориях. Весьма показательной в этом ключе может быть критика Дж.Дж. Гибсона относительно гносеологической концепции Канта. Последняя, как известно, задаёт идейный камертон всей рефлексивной философской традиции (см. [3, с. 28, 357]). Именно поэтому восприятие в свете нового прочтения темы уже не характеризуется в виде пассивной рецепции, своеобразного «пережёвывания» атомарных событий – ощущений. Картина выглядит диаметрально противоположной: перцептивный мир задаётся в виде целостно-расчленённого мира; происхождение последнего во все не связано с деятельностью партикулярного «Я» во всех его исторически различных вариациях – от пассивного и созерцательного до оснащённого полным набором аналитически-рассудочных процедур.

Доступны и ни для кого не составляя сложности процессы восприятия в обычных (естественных) условиях. Сам процесс восприятия, например видение, нами отнюдь не квалифицируется как работа сознания, а запечатлённые при этом объекты предстают в виде непосредственных данных. Тем не менее кажущийся предельно элементарным и естественным акт видения (как, впрочем, и любой иной перцептивный процесс) не должен от нас скрывать сложные и неоднозначные проблемы функционирования всего комплекса перцептивного аппарата человека. Между тем световым узором, что порой весьма затейливым рисунком запечатлевается на сетине глаза, и реальным прообразом этой «картинки» лежит сложноструктурированное смысловое поле, чья интимная механика принципиально недоступна какому бы то ни было зоркому индивидуальному глазу или внешнему наблюдению. Здесь распростёрлись заповедные области неклассической механики социальных процессов. Именно этот скрытый от отдельного созерцателя план проблемы имел в виду Э. Гуссерль, когда констатировал, что «между сознанием и реальностью поистине зияет пропасть смысла» [6, с. 11]. Здесь будет уместным подчеркнуть, что весьма непростые теоретические проблемы в осмыслении очерченного выше феномена даже не были поставлены классической рефлексивной философией, поскольку, как известно, она полагала существующим лишь *пустое пространство* субъектно-объектных связей, где познающий индивид – это своего рода философская версия гётевского гомункула¹. Немаловажно, что теоретические позиции такого рода подкреплялись их полной очевидностью. Между тем этот факт, как нам

---

¹ Лат. *homunculus* буквально переводится как «миниатюрный человечек» (<http://vocabulary.ru/termin/gomunkulus.html>). Человекоподобное существо, выращенное в колбе путём химических реакций, – центральный персонаж второй части трагедии И.В. Гёте «Фауст». Этот образ породил множество толкований в литературе и искусстве.

представляется, достаточно убедительно говорит о настоящей необходимости разработки *особых* теоретических подходов в гносеологической теории и, более того, проведения своего рода «обходных» манёвров с целью дезавуирования пустившего глубокие корни *интуитивного мышления* в этой области, тем самым высвободить «поле для анализа того, что на самом деле происходит в мире и его отражении» [7, с. 81].

Итак, процесс восприятия органичным образом включает в себя такую операцию, как интерпретация. Важно подчеркнуть, что сама эта процедура, как правило, не осознаётся. Р.Л. Грегори отмечает: «...Чтобы воспринять зрительные образы, их нужно истолковать – только так они могут быть связаны с миром предметов» [4, с. 11]. Заметим, что рефлексивно неосознаваемая работа по интерпретации заданных образов является будто бы *встроенным моментом* самого процесса восприятия, а не актом, за ним следующим или ему, скажем, предшествующим. И высказывание названного выше специалиста как раз подтверждает данное суждение. «“Понимать”, – пишет Р.Л. Грегори, – значит видеть вещи определённым образом, но нельзя “видеть”, не понимая» [4, с. 11].

Не является секретом и тот факт, что всякий конкретный акт восприятия всегда обременён информационной недостаточностью. В самом деле, при зрительном восприятии, например, никогда не даны все стороны какого-либо объекта. Именно поэтому восприятие в структурно-функциональном плане представляет собой «дистраивание» того или иного объекта через подбор соответствующих предметных интерпретаций. Многочисленные опыты подтверждают: в случае дефицита информационного обеспечения, а также в иных сложных процессах перцептивного синтеза понимание словно «размывается» по временной шкале. Всё это свидетельствует о том, что сам факт *видения* конституируется только тогда, когда подобраны и имеются в наличии соответствующие перцептивные эталоны. Если человек не располагает смысловой «линейкой» такого характера, то «картинка» никак не выстраивается, стабильность видения не достигается вообще.

Анализ восприятия как особого рода предметной деятельности предполагает введение особой теоретической конструкции, а именно понятия о *материи* этой деятельности. Поскольку в перцептивной деятельности субъект непосредственно с предметом, как правило, не контактирует, то логичным будет предположение о существовании особого опосредующего звена в этом процессе, играющего роль чувственной ткани – исходного материала перцептивной активности. Что следует понимать под чувственной тканью? Это глубоко укоренённая в индивиде система рациональным образом нефиксированных событий, корневая система всякого опыта, образующая второй план при конкретной фокусировке внимания на каком-либо отдельном предмете или явлении. «Основное функциональное свойство чувственной ткани, – подчёркивает В.В. Столин, – представить существующее вовне субъекта поле, к которому относится его перцептивная деятельность, и служить материалом этой деятельности» [8, с. 132]. Особенно важно отметить, что чувственная ткань – отнюдь не пассивное образование. Она принимает непосредственное участие в деятельности. В чём же реально, точнее, *предметно* воплощается (а лучше сказать, угасает) опыт прошедшей деятельности? Уникальной средой воплощения смысла и местом закрепления опыта

выступает само человеческое тело. Последнее, если использовать в качестве метафоры известный термин Марксовой социальной философии, выступает *органическим* телом смысла. Как раз это обстоятельство в образной поэтической форме было зафиксировано М.А. Волошиным в одном из стихотворений цикла «Путями Каина»:

Плоть человека *свиток*, на котором
Отмечены все даты бытия².

Не случайно человеческое «Я» относится к совокупной системе транслируемого опыта как к чему-то в существенной степени имманентному себе самому, интимно-личностному, принципиально не отчлняемому от скорлупы человеческой индивидуальности. Завершая тематизацию обозначенного предмета, можно утверждать, что представленная выше в нарочито таинственных тонах *чувственная ткань* человеческой деятельности являет собой пребывающий в человеке «двигательный опыт (курсив наш. – А.Ш.), сохраняющийся после завершения движения и участвующий в построении нового движения» [9, с. 160].

Сам факт предложенного выше предварительного определения отнюдь не снимает закономерного вопроса: что выступает основанием для дальнейшего развития и совершенствования структуры перцептивной ткани опыта? Думается, наличие включённых в это поле особых «абстрактных» предметов, будь то элементарная детская игрушка, какое-либо орудие труда или просто любой предмет человеческого мира. Их вовлечение в ткань чувственного опыта предполагает *распредмечивание* заключённых в них особых сенсомоторных эталонов. В опыт реально-текущего двигательного движения (его сиюминутные динамические построения) через конкретные предметы человеческого мира осуществляются постоянные «инъекции» человеческого смысла: норм и схем поведения, особых эталонов сенсомоторных реакций и действий, изменяющих геометрию контуров образа мира, иначе говоря, всего того, что обеспечивает перманентное пульсирование живого человеческого опыта, индуцируя непрерывные передвижки фокуса (внимания, активности) и периферии, переднего и заднего планов сознания. Нам представляется, что именно этим достигается принципиальная лабильность опыта, его постоянная «подпитка», обогащение смыслами человеческой реальности. С каждой операцией, которая осуществляется каким-либо новым орудием или инструментом, меняется фокусируемая часть объектного содержания, соответственно, модифицируется и организация периферического сознания, происходит постоянный переход с одного уровня на другой.

Данный момент следует признать чрезвычайно существенным для обсуждаемой проблемы, коль скоро речь идёт о сложившемся онтологическом образе опыта человеческого сознания, своеобразном *cogito* (в трактовке М. Мерло-Понти – *безмолвное* (см. [10, с. 510–513]), что закладывается самим фактом укоренения человека в мире, совершенно необъяснимым образом минуя фильтры *личностных* рефлексивных процедур. Все вышеназванные параметры отлагаются и существуют в виде *живого* опыта мыслящего тела. Реальное обращение с предметами внешнего мира, где одни из бесчисленных его формообразований

² http://lingua.russianplanet.ru/library/mvoloshin/mv_kain.htm

представляют самый непосредственный интерес, другие используются лишь в качестве привлечённого сопутствующего инструмента, является основанием выработки идеальных норм действия с внешним миром. Можно утверждать, что смысловое поле сознания задаётся внешними предметами, богатством заключённой в них смысловой информации. Поэтому, кроме своего непосредственного (*операционального*) предназначения, любое движение в окружающем нас объектном мире включает в себе и *символическое* (если угодно, *метафизическое*) значение: идёт постоянное наращивание «мускулатуры» смысловых связей и зависимостей, безостановочно закладываются новые «делянки» смыслового поля и прокладываются новые тропы в постоянно флуктуирующем внешнем поле смысла, обеспечивая тем самым освоение неизведанных прежде архипелагов предметов и их значений. Происходит неостановимый ни на минуту процесс наведения мостов в пока что неизведанное и ненаступившее.

Зададимся ещё одним вопросом. Какими элементами характеризуется организация перцептивного опыта? Не претендуя на полноту анализа, можем выделить по крайней мере два. Это, во-первых, функционирующая на дорефлексивном уровне *амодальная схема мира* (или его *образ*) со встроенной в неё схемой человеческого тела. Данная система играет роль своеобразного интегратора отдельных, складывающихся в ткани познания элементов восприятия в целостный образ. Вторым компонентом рассматриваемой организации выступает совокупность *предметных эталонов и значений*, что служит основанием предметной идентификации, различения и выделения объектов внешней реальности. Основная функция указанных перцептивных значений в когнитивном процессе состоит в преломлении внешней реальности согласно исторически сложившимся нормам. Именно поэтому на «выходе» возникает не просто некая предметно-интерпретированная, но и intersубъективно *значимая* картина реальности.

Попробуем разобраться в этой типологии. Необходимым условием аналитического расчленения проблемы является прежде всего отказ от представления образа мира в качестве чего-то похожего на копию (мира), некую наглядную картину, то есть всего того, что выполнено в материале и средствах той или иной модальности (зрения, слуха и т. п.). Образ мира *амодален* как раз в том смысле, что остов жёсткого скелета его скрепляют *сверхчувственные* компоненты: обществено сформированные *значения, предметные смыслы и эталоны*. Последние наполняют животворящим эфиром конкретные формы мировосприятия, придавая им тем самым релевантные исторической эпохе очертания и специфику. Можно вполне определённо констатировать, что строй знаний, фиксируемых в законах логики, нормах естественного языка, предметах материальной культуры, закладывает фундамент *множества значений* – станового хребта всей системы когнитивной активности индивида. Возникая в человеческой деятельности, они вбирают в себя ею выделенные характеристики и свойства внешних предметов, а словно «затухая» в материи чувственной ткани, приобретают специфическую форму реального предметного существования и особую функцию. Причём важно подчеркнуть: преломляя внешние воздействия и факторы, сама система обществено сформированных значений остаётся на втором плане, вполне удовлетворяясь ролью, если можно так выразиться, закулисной «домоправительницы»

процесса восприятия. Когда мы говорим об амодальном характере образа мира, то это означает, что его состав отнюдь не ограничивается набором характерологических черт тех предметов, которые составляют объект индивидуальных, или «моих», впечатлений. Реально присутствует масса свойств, что проявили себя при взаимодействии с другими предметами, которые вовсе не являются в данный момент объектом *моего личного* рассмотрения. Материя образа мира, следовательно, носит принципиально надындивидуальный характер.

Какие процессы и структуры лежат в основании формирования образа мира? Пока мы осознанно не касались в рассмотрении краеугольной в этом плане проблемы *образа «Я»*. Этот феномен представляет собой вообще глубинное основание всего человеческого мироотношения, целый веер чувственных, рефлексивно неосознаваемых представлений о себе самом, своём положении, роли в мире и т. п. Предварительно заметим: названное образование в самом прямом смысле характеризуется набором образов, картин или просто житейских ситуаций. Все указанные структуры получают закрепление в виде совокупности принимаемых личностью образцов и норм поведения, которые в отдельных случаях даже не имеют своего конкретного аналога. Этот факт говорит о том, что индивидуальное самосознание отнюдь не является каким-то случайным, второстепенным аспектом как в формировании собственно предметного содержания сознания, так и в осуществлении конкретных познавательных инициатив. Так, по мнению Дж.Дж. Гибсона, имеющееся у человека «перцептивное сознание неотделимо от самосознания» [3, с. 373]. Можно утверждать, что осмысление человеком собственной сущности – сердцевина наличного у него и используемого в реальной ткани познания и действия образа мира. Именно этот таинственный и наполненный всякого рода превращениями и абберациями феномен человеческого «Я» вовлекает в своё исключительно интимное и индивидуальное самосознанием ограниченное пространство целые архипелаги объективного мира: мириады давно ушедших и современных ему людей, смысложизненные идеалы и ценности, поведенческие нормы и ещё многие тысячи различных вещей и обстоятельств.

Достаточно ёмко, на наш взгляд, это обстоятельство зафиксировано Г. Зиммелем в статье «Понятие и трагедия культуры»: «... Те содержательные объекты, на которых должна происходить организация Я в этот собственный и единый мир, принадлежат не только ему одному. Они ему заданы – со стороны некоторого пространственно-временного идеального извне, они являются одновременно содержаниями каких-то иных миров, общественных и метафизических, понятийных и этических, и в них они обладают формами и взаимосвязями, которые не совпадают с формами и взаимосвязями Я. Через эти содержания, представляемые Я в своеобразном виде [мыслей, деятельностей, тенденций, жизненного уклада. – А.Ш.], внешние миры схватывают Я, чтобы включить его в себя: они желают разрушить центрирование этих содержаний вокруг Я, с тем чтобы в большей степени их преобразовать согласно их собственным пожеланиям» [11, с. 16–17]. Конечно, необходимо иметь в виду, что сам характер закрепления в индивидуальном самосознании всех вышеназванных образований и структур с течением времени меняется. Ограничимся лишь примером социализации ребёнка. Многочисленными исследованиями доказано, что мать для ребёнка

своего рода «зрячий посох» в становлении его сознательного мироотношения. Смысловое поле, передаваемое от матери к ребёнку, в существенной степени опережает систему освоенных непосредственно им самим предметных действий и отношений. Это вообще важная проблема, имеющая широкие следствия в воспитательном процессе. Ни для кого ныне не является секретом кричащее расхождение (если не сказать, раскол) информационной и эмоционально-потребностной сфер подростка, сформированных, с одной стороны, родителями, малой средой сверстников, средствами массовой информации и, наконец, школой, а с другой – ограниченным объёмом собственного практического бытия. Именно поэтому человек, набитый под завязку массой пусть даже абсолютно правильных и уместных истин, может быть нищим в плане личного экзистенциального опыта. Дело в том, что элементы прописных истин могут стать принадлежностью чьего-либо сознания, даже не проходя апробацию в собственном опыте.

Необходимо подчеркнуть, что эволюция самосознания в любом случае запечатлевает в «Я»-образе облик других людей. Их практическая активность, реализуемые образцы поведения составляют смысловую ткань, фабулу разыгрываемой пьесы (в каждом отдельном случае это будет драма, комедия или, увы, фарс) индивидуального самосознания. Следует также иметь в виду, что другие люди – это не вообще какие-либо иные, данному индивиду *абсолютно чуждые* и совершенно *безотносительные*. Напротив, они плод его личного опыта, проекции только ему присущего практического сознания, своеобразный деятельностный итог индивидуального существования. Можно утверждать, что элементы, стягивающие в целостность пёструю канву индивидуального образа «Я» каждого отдельного человека, – *смысложизненные события* его личностного бытия. Подчеркнём: несмотря на сугубо экзистенциально-личностный статус какого-либо события, его малую значимость для внешних кругов и невыразительность, оно представляет собой действие важного инклюзивного механизма, вовлекающего субъект в независимую от его индивидуального «Я» реальность наполненного смыслом общения. Изложенное выше позволяет заключить, что образ «Я», являясь конкретным типом самосознания человека, выступает мощным ферментом, активирующим становление того или иного образа мира.

Итак, попробуем подытожить. Отличительной чертой современной концептуализации перцептивного образа является переход от понятия *образ предмета* (и традиционно связанных с ним тем: природы, структурной организации, адекватности и т. п.) к понятию *образ мира*. Представляется некорректным суждение, что образ восприятия какого-либо предмета формируется наподобие кладки дома, то есть из отдельных кирпичей. «...Этот “дом”, – отмечает С.Д. Смирнов, – разваливался бы всякий раз, когда мы совершаем некоторое движение относительно воспринимаемого объекта или когда изменяются условия восприятия...» [12, с. 4–5]. Образ мира как базовая когнитивная структура не складывается словно красочное мозаичное панно из отдельных «камешков» или красок, а с *самого начала развивается и функционирует как целое*. Данное утверждение следует понимать в том смысле, что любые фактуальные события и явления, возникшие в горизонте чьего-либо индивидуального опыта, – транспонированные формы этого предшествующего образа мира. Соответственно, сущность того или иного партикулярного образа отнюдь не заключена в нём самом, а определяется

ролью, которую он играет в целостном освоении мира. Если ещё больше заострить вышеприведённый тезис, то можно сказать, что построение образа внешней реальности являет собой актуализацию определённой части уже имеющегося у субъекта образа мира, возможные его уточнения и даже переформатирования.

А что особенно важно: образ мира не выступает вроде невостребованного склада прошлой и уже успевшей запылиться информации. Он играет решающую роль в инициировании сиюминутного когнитивного акта и последующем корректировании его протекания. Смысловое ядро образа мира – *система общественно сформированных предметных смыслов и значений* – является своеобразной почвой для генерации познавательных гипотез. Эпистемологическая функция последних ориентирована, если можно так выразиться, на снятие возникающих в познании ситуаций неопределённости, весьма характерных для поверхностного слоя чувственных впечатлений. Этим, кстати говоря, обеспечивается переход к более содержательным и глубоким когнитивным синтезам. Выдвижение той или иной гипотезы обуславливает связанное с ней и, главное, лишь ей соответствующее эмоционально окрашенное предзнание, которое являет собой точку пересечения знаний и эмоций, особый узел их напряжения. Предметное значение и эмоционально-личностный смысл создаваемого образа задаются, безусловно, всем контекстом деятельности и в этом плане предшествуют наличной стимуляции.

Образ мира играет, если использовать терминологию И. Канта, апперцептирующую функцию в интерпретации данных органов чувств. С большой долей вероятности можно предположить, что базисные структуры данного когнитивного образования выполняют в том числе и специфическую функцию социальных стереотипов, задача их, по характеристике У. Липпмана, экономить усилия человека при восприятии сложных социальных объектов и защищать его ценности, позиции и права (цит. по [13, с. 95]). Между тем нужно учитывать, что именно базисные структуры образа мира, в отличие от многообразия личностных представлений, инкорпорируют те или иные новые явления и факты в строй общезначимых ценностей, представлений и идеалов. А значит, образ мира – неотъемлемый компонент сознательной человеческой жизнедеятельности. Он снимает жёсткую грань чувственного и рационального знания, противостоит познавательной и эмоционально-потребностной сфер сознания. Рассматриваемый феномен с его содержательно-смысловой и функциональной сторон является таким образованием, которым (и в котором) живут. От образа мира и «Я»-образа как его смыслового ядра нельзя произвольно отказаться, как, впрочем, и произвольно их принять. Перцептивный опыт сознания служит основанием трансляции смысловых предпосылок гносеологического образа. Это как раз тот связующий канал, посредством которого мир человека присутствует в его деятельности как собственно практической, так и духовно-теоретической. Понимание мира человеком достигается уже в особых формах перцепции на довербальном уровне, предметы опыта предпосланы языку.

Литература

1. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность // Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 2. – С. 94–231.
2. *Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 356 с.
3. *Гибсон Дж.Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию. – М.: Прогресс, 1988. – 461 с.
4. *Грегори Р.Л.* Разумный глаз. – М.: Мир, 1972. – 209 с.
5. *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
6. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Пер. с нем. А.В. Михайлова. – М.: Лабиринт, 1994. – 107 с.
7. *Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. – Тбилиси: Мецниереба, 1984. – 82 с.
8. *Столин В.В.* Исследование порождения зрительного пространственного образа // Восприятие и деятельность. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – С. 101–208.
9. *Давыдов В.В., Зинченко В.П.* Принцип развития в психологии // Диалектика в науках о природе и человеке. Эволюция материи и её структурные уровни. – М.: Наука, 1983. – С. 143–180.
10. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. – СПб.: Ювента; Наука, 1999. – 606 с.
11. *Зиммель Г.* Понятие и трагедия культуры // Логос. – 1911–1912. – Кн. 2–3. – С. 1–25.
12. *Смирнов С.Д.* Психология образа: проблема активности психического отражения. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 231 с.
13. *Агеев В.С.* Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопр. психологии. – 1986. – № 1. – С. 95–101.

Поступила в редакцию
30.05.16

Шестаков Александр Алексеевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Социально-гуманитарные науки»

Самарский государственный технический университет
ул. Молодогвардейская, д. 244, г. Самара, 443100, Россия
E-mail: ShestakovAlex@yandex.ru

Images of World and “Self”: Mechanism of Inclusion*A.A. Shestakov**Samara State Technical University, Samara, 443100, Russia**E-mail: ShestakovAlex@yandex.ru*

Received May 30, 2016

Abstract

The premises of cognition, the structures of living contemplation in particular, are considered in the paper. The relevance of the research is defined by the fact that the so-called paradigm of stimuli, which dominated in the gnosiological theory for a long time, proved to be increasingly insufficient for interpretation of cognition and its components – sensual perceptual experience, natural language, and common sense. Accordingly, the research aims at consecutive investigation of the perceptual experience in cognitive activity and justification of the activity of cognitive process at the stage of sensory perception. The basic research method is the activity paradigm in the theory of cognition disclosing the dependence of the cognitive process on the image regulating it. This image carries out the function of incorporation of certain personal views into the system of universal values. The following conclusions are drawn from the obtained results: firstly, the cognitive act is initiated not by the effect of stimuli, but by putting forward the cognitive hypotheses; secondly, it is impossible to adequately comprehend the process of perception of the world by a person on the basis of strictly passive processing of sensory information, because this process relies on multi-parameter processes of reasoning, interpretation, and understanding; thirdly, the concept of empty space of subject-object relations, which is very popular in the reflexive philosophical tradition, is completely far from the reality – composite social mechanics dominates here. The obtained results are important to become aware of the active nature of cognitive process, for studying the mechanisms for inclusion of the world image of a person (the structure of living contemplation) in their activity – both practical and theoretical.

Keywords: cognition, premises of cognition, sensual perceptual experience, world image, “self” image, activity paradigm, sensory tissue, motion experience

Для цитирования: Шестаков А.А. Образ мира и образ «Я»: механизм инклюзии // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 4. – С. 1196–1206.

For citation: Shestakov A.A. Images of world and “self”: Mechanism of inclusion. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 4, pp. 1196–1206. (In Russian)